

4. Пригожин И. Введение в термодинамику необратимых процессов. М., 1964.
5. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 4.
6. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 429 с.
8. Пригожин И. Перспективы исследования сложности // Системные исследования. М., 1986, 1987. С. 45-57.
9. Хищенко В. Самоорганизация и менеджмент // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 3. С. 122-124.
10. Латфуллин Г. Основные тенденции концепции управления на стыке веков // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1. С. 76-80.
11. Щекин Г. Теория социального управления. Киев, 1996.
12. Ладанов И. Практический менеджмент: В 3 ч. М., 1992.
13. Давыдов В. Теория деятельности и социальная практика // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 52-62.
14. Павлов А. Элементы философии культуры. Тюмень, 1997.

*Галина Михайловна ЗАБОЛОТНАЯ –
доцент кафедры политологии
факультета истории
и политических наук,
кандидат философских наук*

УДК 323

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные аспекты проявления регионализации политического пространства России, ставится вопрос о неоднозначности влияния этого процесса на осуществление общенационального демократического транзита.

The article deals with different aspects and manifestations of regionalization within political areas. Multilateral impact of this process upon national democratic transnational period is also considered.

Процессы политической трансформации современной России получают различные оценки со стороны исследователей. В последние годы среди отечественных и зарубежных политологов особой популярностью пользуются транзитологические теории. Авторы пытаются смоделировать процессы перехода, т. е. транзита, от недемократических режимов к демократическим, анализируя роль различных факторов (институциональных, культурных, социальных, волеизъявления политических лидеров, взаимоотношения между элитами и др.), способствующих либо препятствующих демократизации общества. Особый интерес вызывает процесс демократических преобразований в регионах.

Проблема регионализма является одной из наиболее обсуждаемых проблем. Порожденный не только природно-климатическими, ресурсными различиями и пространственно-географической неравномерностью, но и дифференциацией по социально-экономическим, историко-культурным и этническим факторам, а также кризисом «вертикали власти», регионализм имеет неоднозначные последствия для развития российской государственности и демократии. С одной стороны, региона-

лизм лежит в основе построения федеративных отношений. Демократический потенциал федерализма заключается в том, что он предполагает децентрализацию властных полномочий и «признает существование внутренней социально-культурной разнородности общества и с помощью соответствующих политических институтов поддерживает и гарантирует ее» [1, с. 140.] С другой стороны, регионализм, который стал состоявшимся фактом в России в начале 90-х годов, хотя и был естественной политической и экономической реакцией на сверхцентрализацию, принял опасный характер. Оценивая эту ситуацию, исследователи отмечают, что регионализм «явочным путем занял свое место в экономической и политической жизни страны, а поскольку это был спонтанный процесс, инициированный снизу, он приобрел искаженные и даже уродливые формы, выразившиеся в «параде суверенитетов» и в разрушении единого экономического пространства страны» [2, с. 39-40]. Неудачи экономического реформирования еще более усилили дифференциацию регионов по важнейшим экономическим параметрам и уровню жизни. Разрыв по уровням производства валового внутреннего продукта среди субъектов РФ превышает 20 раз (в странах ЕС имеет место 3-4-кратный разрыв между наиболее богатыми и бедными регионами) [2, с. 50]. Именно межрегиональные диспаритеты главным образом детерминируют сепаратизм со стороны ведущих промышленных регионов. Он подпитывается, с одной стороны, общественным настроением населения — «мы их кормим», «они живут за наш счет», а с другой — стремлением региональных элит полностью контролировать природные ресурсы, производственную инфраструктуру при минимальном вмешательстве Москвы. Наряду с региональным экономическим сепаратизмом сохраняет актуальность этнический национализм. Это создает дополнительные препятствия для осуществления демократических преобразований в России. Будущее подтвердит или опровергнет пессимизм ряда западных политологов о том, что демократия «не срабатывает» в многосоставном обществе. Под последним понимается общество с ярко выраженными «сегментарными» противоречиями (противоречия религиозного, идеологического, регионального, культурного, расового или национального характера) [3, с. 218]. Согласно этому мнению, неизбежные центробежные тенденции и нестабильность должны преодолеваются через централизацию власти и авторитаризм.

Развитие регионализма формирует мозаичное политическое пространство. Другими словами, в границах современного общероссийского политического пространства выделяется специфическое осуществление политики на региональном уровне. Исследование этой проблемы выходит за рамки проблем политического федерализма — распределения прав и властных полномочий между регионами и центром. Речь идет о формировании в каждом субъекте РФ специфических политических режимов, регионального самосознания, закреплении особой политической культуры. В регионах утверждаются особые формы взаимоотношений политических акторов: элит и населения, между разными сегментами элит. Атомизация экономического и политического пространства затрудняет распространение единых демократических и правовых механизмов и ценностей. Практически в России сегодня не существует единого политического режима, так как в каждом регионе реализован собственный. Как отмечают исследователи этой проблемы, разброс возникающих вариантов настолько широк, что в современной России можно найти все, что угодно, — от парламентской республики до средневекового ханства [4, с. 80].

Мозаичность форм организации власти питается тем, что Конституция РФ не оговаривает формы правления в республиках. Отсутствует и федеральный закон об организации власти в регионах. Это сделало возможным установление президентских либо суперпрезидентских форм правления, сочетающихся с урезанными полномочиями законодательных органов. Особые формы организации власти сложились в округах и областях. На низовом уровне реализуются разные формы местного само-

управления. Наблюдаются различия в региональных избирательных системах: на президентских и губернаторских выборах используются оба варианта мажоритарной системы — относительного или абсолютного большинства. При выборах в региональные парламенты в разных субъектах РФ имеют место смешанная (как при выборах в Государственную Думу), мажоритарная либо полностью пропорциональная системы. Барьеры явки избирателей на выборы, которые позволяют считать их состоявшимися, варьируются от 50% до 25%, либо такие барьеры отсутствуют.

В разных регионах обнаруживается разное сочетание элементов демократичности и авторитарности. Есть основания полагать, что в регионах в организации политического пространства закрепились авторитарные тенденции. Так, по мнению депутата Государственной Думы В. А. Рыжкова, в 60-70 субъектах РФ утвердились авторитарные по своей сути режимы, во главе которых, как правило, стоит признанный «хозяин региона» — губернатор, президент, глава администрации, который имеет агрессивную, жесткую, преданную лично ему команду и жестко контролирует все «живое» на подвластной ему территории [5, с. 91].

Формирование разных моделей региональной власти разрывает единое политическое пространство, затрудняет развитие демократических транзитов, способствует закреплению архаичных политических отношений.

Конструирование демократического политического пространства регионов предполагает решение следующих проблем:

- достижение реального разделения властей, отказ от доминирования исполнительной власти над законодательной и судебной;

- развитие системы местного самоуправления, которое выступает важнейшим элементом самоорганизации населения. Демократическая составляющая самоуправления заключается в том, что оно усиливает возможность граждан участвовать в местных делах;

- создание реальной конкурентной среды, что напрямую связано с проблемой развития политических партий в регионе. Партии призваны быть посредниками между населением и властью и являются важнейшим показателем способности гражданского общества к самоорганизации. В западных странах национальные политические партии оказывают влияние на местную политику и активно участвуют в региональных и местных выборах, а региональные лидеры фактически или формально связаны с национальными партиями. Напротив, в России федеральные партии, кроме коммунистической, не имеют массовой опоры, практически не участвуют в региональных выборах (исключение составляют Москва, Петербург и те регионы, где выборы в местные органы власти осуществляются по партийным спискам). Место федеральных партий в ряде субъектов РФ заняли местные партии власти (в 1998 году в регионах насчитывалось 89 партий власти [6, с. 9]) либо этнополитические движения;

- отказ от «соблазна» слияния региональной политической элиты с экономической (последняя поддерживает первую в избирательных кампаниях, директора крупных предприятий представлены в местных законодательных собраниях, в ряде регионов администрация получила право управления федеральными пакетами акций, взяла под контроль задолжавшие бюджету предприятия), совмещение же власти с собственностью делает «контроль над гражданином и над региональным социумом всеобъемлющим, не оставляя пространства для политического плюрализма и автоматически увязывая политические конфликты с борьбой за передел собственности» [7, с. 9].

Многое для понимания региональных политических процессов дает исследование такого механизма взаимоотношения местной власти с населением, как выборы. В теориях демократии свободные и честные выборы, проведенные на действительно альтернативной основе, рассматриваются в качестве источника легитимации влас-

ти. Они являются своеобразным барометром настроений в регионах и показателем политической культуры. Одновременно выборы активизируют политические процессы, придают им особую «точку кипения», так как «приводят в действие механизм, побуждающий центральные, региональные и местные элиты к политическому торгу» [7, с. 15], к торгу лидеров и населения друг с другом, мобилизуют все информационные и административные ресурсы в борьбе за голоса электората.

Исследователи отмечают некоторые отличия электорального поведения граждан на общефедеральных и региональных выборах. Выборы в Государственную Думу 1995 и 1999 гг. показали, что электорат основных политических партий стабилизировался. Величиной достаточно постоянной является процент голосов, отданных за левые и правые партии, хотя «игроки» правого спектра поменялись (место ДВР занял СПС). Правый спектр представлен движениями и партиями как либеральной (СПС, «Яблоко»), так и более консервативной ориентации («Единство», ОВР). Иное электоральное поведение наблюдается на региональных выборах. Здесь, практически, не представлено партийное и идеологическое голосование (не все современные партии России содержат в своих программах ярко выраженный идеологический компонент). Партийное голосование проявляется только у сторонников КПРФ. Подобную ситуацию можно объяснить как слабостью общефедеральных партий в регионах, так и отсутствием ясных и устойчивых партийных ориентаций у населения. Подобное электоральное поведение имеет и другое объяснение. Стратегия местных избирательных кампаний строится на активизации иных социальных ожиданий избирателей. Если на общенациональных выборах обсуждаются демократические перспективы будущего России, гарантированности прав и свобод граждан, то условия экономической нестабильности, нерешенность проблем повседневной жизни заставляют участников региональных выборов быть более прагматичными и акцентировать внимание на конкретных местных проблемах: создание новых рабочих мест, региональные социальные программы, решение проблем с задолженностью по зарплате и пенсиям, привлечение инвестиций в регион и др. Партийность кандидата уходит на задний план, уступая место его деловым качествам. Это позволяет рассматривать местные выборы как своеобразный торг населения с местными лидерами — «начальством». Подобную точку зрения высказывает М. Н. Афанасьев: «Нынешняя нестабильность, негарантированность общественных условий индивидуального существования заставляют рядовых граждан искать защиты у обладающих ресурсами власти и влияния «больших людей». Острая нужда в патронаже, который могут предоставить местные начальники, вернула им голоса избирателей...» [8, с. 209-210]. Отметим, что подобным отношениям способствует умелое внедрение с помощью информационных ресурсов (СМИ) в сознание избирателей имиджей местных лидеров как практиков-хозяйственников.

Выборы глав исполнительной власти, прошедшие в регионах в 1996, 1997 и отчасти 2000 гг., когда в большинстве случаев были переизбраны либо действующие губернаторы, либо победили председатели представительных собраний, показали, что современные региональные элиты овладели технологией проведения выборов и способны контролировать ситуацию. Хорошо отработанные политтехнологии предлагают избирателям образ политика-хозяйственника, способного наладить нормальную жизнь в регионе. Второй востребованный имидж — образ защитника и покровителя, сочетающего в себе деловые и патерналистские качества, способного оградить население от внешнего хаоса, натиска со стороны Центра или московских олигархов. С этой целью политик примеряет на себя маску «своего» (представителя целой региональной общности), противопоставляет себя «чужаку», в роли которого выступает оппонент. Последнего представляют как ставленника олигархии, локальной территориальной, профессиональной или этнической группы. Подобные технологии используются и в Тюменской области, где актуальной остается проблема единства

региона (юг области и два северных автономных округа). В текстах политической рекламы и антирекламы подчеркивается образ кандидата в губернаторы как объединителя области в противовес позиции оппонента, выразителя интересов Севера или Юга. В антирекламе используется и некорректное с точки зрения демократической культуры противопоставление «своих» и «чужих» по этническому признаку. Так, распространенная во время губернаторской избирательной кампании 2001 г. анонимная листовка, адресованная избирателям юга области, должна была позиционировать одного из претендентов на пост губернатора как представителя одного из северных народов как по происхождению, так и по основному приоритету в политике. Подобная практика опасна еще и тем, что подпитывает националистические предрассудки.

Анализ электорального поведения вызывает интерес и с точки зрения развития демократической политической культуры. В литературе представлены разные точки зрения, описывающие электоральное поведение, конструируются различные модели голосования. Анализ электорального поведения предполагает ответ на вопросы: «почему так голосуют» и «почему не голосуют». Отвечая на эти вопросы, исследователи дифференцируют предпочтения избирателей в зависимости от ценностных, оценочных [9], целерациональных, традиционных или аффективных факторов [10]. Ценностная модель, по мнению исследователей, формируется под воздействием социализации, под влиянием условий жизни и проявляется в интуитивной или осознанной ориентации на те или иные политические действия и формы организации общественной жизни [9, с. 48]. Ценностная ориентация проявляется в партийной или идеологической идентификации политически определившихся граждан (устойчивый электорат левых, либеральных, консервативных и националистических избирательных движений и партий).

Оценочное голосование вызвано принятием или непринятием каких-либо общественных изменений. Интересы избирателей этой группы идеологически не оформлены. В рамках подобной модели можно рассматривать «протестное» голосование, когда избиратели голосуют против кандидатов и партий, ассоциируемых с официальной властью, отдавая голоса их оппонентам, либо голосуют против всех одновременно. Формой протестного голосования может быть и абсентеизм — отказ от голосования. Абсентеизм является важным индикатором общественного настроения. В нем находит выражение протест одних групп граждан и политическая апатия других. Последняя может быть вызвана сомнением в эффективности института выборов, распространенным мнением, что голосование не меняет ситуации, ибо все решения принимаются «наверху». Низкая электоральная активность (в некоторых регионах явка избирателей на выборы в органы региональной и муниципальной власти колебалась от 25% до 50%) ставит вопрос о перспективах формирования гражданского общества.

Аффективная модель электорального поведения рассматривается в литературе как голосование, построенное на личностном факторе — на симпатии или антипатии к кандидатам [10, с. 5]. Подобное голосование может быть детерминировано отдельными событийными обстоятельствами: принятием лидерами накануне выборов популярных либо непопулярных решений, использованием «грязных технологий» против конкурентов. Аффективное голосование создает большое поле для использования политтехнологий: создание ярких имиджей, демагогической риторики. На активизацию подсознательных импульсов был направлен один из лозунгов имидж-стратегии Б. Н. Ельцина (президентские выборы 1996 г.) — «Голосуй сердцем».

По мнению М. Н. Афанасьева, в современной России представлено несколько типов электорального поведения: «патриархальный» (высокая явка на выборы и голосование по совету руководителя), «советский» («очеловечен» связями личной зависимости и покровительства, что обеспечивает победу номенклатурных работни-

ков на региональных и местных выборах), «послесоветский» (негативное голосование и не голосование, либо это голосование зависит от эмоциональных, персоналистских предпочтений) и менее распространенный — «партийный» тип [8, с. 210-214]. Представляется интересным выделение первых двух типов голосования. Их широкая представленность в электоральном поведении свидетельствует о сохранении архаической политической культуры, в которой ярко выражена ориентация на патернализм и привычка подчинения власти «начальника». Думается, что в этом кроется причина такого «дружного» голосования в ряде регионов за действующих руководителей либо за партии власти, поддержанные этими руководителями (на парламентских выборах 1999 г. в республике Тыва поддержка блока «Единство» составила 71% голосов, в Ингушетии за ОВР проголосовало 88% избирателей, что в несколько раз превысило общероссийские показатели этих движений).

Признавая доминирование традиционных и аффективных факторов детерминации избирательных предпочтений, укажем, что нельзя игнорировать и присутствие в электоральном поведении рациональных установок. Подобное голосование продиктовано инструментальными мотивами (получением для себя какой-либо выгоды) и, как правило, описывается с позиций теории рационального выбора. Суть теории заключается в том, что при выборе моделей политического поведения индивиды просчитывают возможные выгоды или издержки такого поведения и стремятся к максимизации выгоды. Голосование за крупных местных лидеров можно рассматривать как торг между лидерами и избирателями. Именно этот политик оказывается более выгоден с точки зрения прагматичных интересов избирателя, чем его конкурент. Под эту модель отчасти можно подвести голосование по принципу известной пословицы «из двух зол...». Думается, что лозунг президентской кампании 1999 г. «Голосуй или проиграешь» был обращен к группе избирателей, голосующих не «сердцем», а разумом. Им предлагалось оценить потери от реализации политики кандидата-коммуниста в случае его победы.

Исследование электорального поведения в областях и республиках раскрывает дополнительные грани процесса регионализации. Политические симпатии и предпочтения электората одних регионов не совпадают с моделями голосования в других. В современной литературе описываются различные пространственные модели голосования, построенные по дихотомии: поддержка реформаторов или поддержка коммунистов. Выделяется несколько пространственных осей подобного противопоставления: север–юг, центр–провинция, город–село, сырьевые–промышленные регионы. Левая электоральная культура доминирует в южных и сельских регионах. Отдельные промышленные регионы попадают в этот ряд с силу сосредоточения здесь предприятий-банкротов, а следовательно, и большего количества групп населения, «проигравшего» в ходе рыночных реформ. Относительная стабильность пространственных моделей голосования кроется в таких факторах, как особенность экономической структуры региона и его отдельных территорий, параметры экономической устойчивости, уровень образования населения, его средние доходы, тип расселения, особенности локальной политической культуры и др. Избирательный выбор определяется и набором таких факторов, как предвыборная агитация, имидж-стратегии. Немаловажным фактором является способность региональных элит мобилизовывать административные и информационные ресурсы, способность самих элит к консолидации.

Одно из объяснений регионализации электорального ландшафта представлено С. Чугровым, который попытался объяснить феномен 55-й параллели (население, проживающее к северу от 55-й параллели, голосует за реформаторов, а население юга демонстрирует антиреформаторскую модель голосования). Такое объяснение имеет ряд детерминант: экономическое (северные регионы, богатые стратегическими ресурсами, в большей степени выиграли от реформ, чем южные), социокультурное (доминирование на севере городского населения над сельским, проявляющим

больший традиционализм и антирыночность). Второе географическое размежевание — по линии восток–запад — детерминировано историческими субкультурами и выражается в нонконформизме сибиряков и дальневосточников (голосование за новых лидеров) и традиционализме населения европейской части России (поддержка хорошо известных лидеров). Особую электоральную зону составляют пограничные регионы, в которых главной политической детерминантой голосования является охранительный психологический комплекс. Здесь наиболее результативной будет апелляция к национальным символам и наведению порядка [11].

Гипотеза автора требует дальнейшей проверки, так как выборы 1999 г. как подтвердили, так и частично опровергли ее. «Красные» регионы продемонстрировали уменьшение левого электората. Напротив, такие регионы, как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, которые в оценке исследователя являются «оплотами демократии», на прошедших общенациональных выборах в Государственную Думу «полевели». Прирост голосования за коммунистов составил более четырех пунктов, приблизившись к общероссийским показателям. Требуется уточнения и модель голосования в этих округах. Речь идет не столько о демократическом (либеральном), сколько о некоммунистическом голосовании. Такая позиция коррелируется с достаточно высоким уровнем зарплаты и другими высокими социально-экономическими показателями. По данным Госкомстата РФ, на осень 2000 г. зарплата в Тюменской области вместе с округами составила 6595,5 руб. при средней по стране — 2288,9 руб. [12]. Сюда следует добавить и административный фактор: традиционная поддержка политическими элитами партий власти (декларируемая поддержка губернатором ЯНАО Ю. Нееловым движения «Голос России», а губернатором ХМАО А. Филипенко — ОВР оказалась формальной и не помешала им оказать поддержку Кремлю на общенациональных парламентских выборах 1999 г.), сохранение региональными лидерами управленческого эффекта, в том числе мобилизационного. Способность глав округов достичь компромисса с органами местного самоуправления и с основными экономическими элитами (нефтегазовыми корпорациями) позволила сохранить определенный уровень стабильности в округах, что трансформировалось в дополнительный ресурс на прошедших в 2000 г. губернаторских выборах. В различных городах и районах действующие губернаторы получили более 80% голосов избирателей. Мотивы подобной электоральной поддержки больше вписываются в модель прагматичного голосования. Население этих территорий напрямую зависит от градообразующего производства, поэтому губернаторы, которые сумели наладить плодотворные отношения с нефтегазовыми суперкорпорациями, выглядят наиболее привлекательными для избирателей. К этому следует добавить, что относительная социальная и экономическая устойчивость территорий, более высокий уровень жизни на фоне общероссийской неустойчивости и «кризисных» регионов формируют чувство локальной защищенности, что дополнительно подкрепляет авторитет окружной власти. Одновременно это способствует консолидации регионального сообщества и формированию регионального самосознания.

Процессы становления регионального политического пространства — состоявшийся факт. Специфика каждого из них определяется целым рядом характеристик. Это требует проведения определенного компаративного анализа, без учета которого невозможно представить общую картину демократического транзита в России, его проблем и противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колобов О. А., Макарычев А. С. Регионализм в России // Регионоведение. 1999. № 2. С. 140-172.
2. Добрецов Н. Л., Селиверстов В. Е. Укрепление властной вертикали и институциональных структур межрегиональной интеграции // ЭКО. 2000. № 9. С. 38-51.

3. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. № 1-2. С. 217-225.
4. Нечаев В. Д. Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 80-96.
5. Рыжков В. А. Странная федерация: проблемы и перспективы развития федерализма в России // Полития. 1999-2000. № 4. С. 79-101.
6. Коргунюк Ю. Г. Избирательная кампания 1999 г. и перспективы развития российской многопартийности // Полития. 1999-2000. № 4. С. 5-22.
7. Петров Н. Федерализм по-российски // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 7-33.
8. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997. 301 с.
9. Галкин А. А. Динамика политических предпочтений в российском избирательном корпусе // Россия в условиях трансформаций: Вестник фонда развития политического центра. М., 2000. Вып. 4. С. 47-56.
10. Зубков В. И., Федякин А. В. Чем рискует российский избиратель? // Социс. 2000. № 8. С. 42-47.
11. Чугров С. О региональной фрагментации российского политического сознания // МЭ и МО. 1998. № 1. С. 29-41.
12. Трейвиш А. Где на Руси жить хорошо? // Комсомольская правда. 2000. 24 ноября.

*Марина Николаевна СТЕЛЬМАШУК –
доцент кафедры международного
бизнеса и делового администрирования
Международного института финансов,
управления и бизнеса, кандидат
социологических наук*

УДК 316. 334. 2

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА В РОССИИ: ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

АННОТАЦИЯ. На рубеже 19-20 веков акцент в изучении проблем детства ставится на оценке гуманистического идеала воспитания и развития ребенка; исследуется насилие над ребенком; анализ социальных болезней (беспризорность, нищенство); состояние здоровья детей (заболеваемость, смертность). Примечателен факт использования оригинальных методических приемов: рассматриваются детские рисунки, изучаются биографии и дневники, определяются этнографические образы детства. В этот период находят свое применение в анализе проблем детства материалы социальной статистики, разрабатываются исследовательские программы по изучению детства.

At the turn of the 19th century the assessment of humane educational ideal became a matter of utmost importance in childhood studies. Cases of child abuse, analysis of social diseases (destitution, beggary), health problems (sick rate and death-rate) were in the center of investigation. The researchers carried out their studies, making use of children's drawings, their biographies and diaries to define ethnographic patterns of childhood. This period is remarkable for the implementation of social statistics and for research programmes aimed at childhood studies.

Познание мира детства неотделимо от социального самосознания общества. На рубеже XIX–XX веков характерно формирование нового образа детства в России.